

УДК 811.161.1

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ КАК ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ

Н.К. Пригарина

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград*

В статье рассматривается феномен судебного прецедента. На примере судебных защитительных речей Ф.Н. Плевако анализируются случаи использования судебного прецедента как интертекстуального включения и делается вывод о его аргументативной функции.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекстуальное включение, судебный прецедент, аргументативная функция, риторический аргумент.

Judicial Precedent as Intertextual Inclusion

Natalya K. Prigarina

Volgograd State Pedagogical University, Volgograd

The article deals with the phenomenon of judicial precedent. On the example of judicial defensive speeches of F.N. Plevako the use of judicial precedent as intertextual inclusion is analyzed and its argumentative function is demonstrated.

Key words: intertextuality, intertextual inclusion, judicial precedent, argumentative function, rhetorical argument.

Термин *интертекстуальность* в значении «ассоциативное взаимодействие ряда текстов», или «текстовая интеракция», появился в работах Ю. Кристевой в 60-е годы XX века [7].

Проблемы интертекстуальности в настоящее время рассматриваются на материале текстов, принадлежащих к разным видам дискурса. Особый интерес вызывают исследования интертекстуальности судебного дискурса, поскольку «любой юридический текст есть интертекст, так как другие тексты присутствуют в нем на переменных уровнях в более или менее узнаваемых формах» [1. С. 59].

Под интертекстуальностью судебного дискурса обычно понимается:

1) систематическое и целенаправленное обращение к различным материалам уголовного дела (включение в тексты судебных выступлений и документов фрагментов из обсуждающихся на заседании других документов и из высказываний участников процесса) [3; 8];

2) сознательное использование интертекстуализмов (фрагментов других текстов, не имеющих прямого отношения к материалам уголовного дела, в форме цитат, аллюзий, косвенной речи, пословиц, афоризмов и т.д.) [8, 10].

Считается, что именно такая интертекстуальность является «одним из важнейших средств актуализации главной интенции судебного

дискурса – воздействия на реципиента и убеждения в правильности своей позиции» [6. С. 1107].

Однако среди интертекстуальных элементов судебного дискурса существует еще одно весьма эффективное по степени воздействия на адресата интертекстуальное включение, специфика которого еще исследована недостаточно, – судебный прецедент.

Задача статьи – рассмотреть судебный прецедент как интертекстуальное включение в текстах судебных защитительных речей известного русского адвоката Ф.Н. Плевако.

Любая судебная защитительная речь естественно и закономерно содержит различные интертекстуальные включения: фрагменты юридических документов, цитаты из выступлений участников процесса, свидетельских показаний, данные экспертизы и другие «чужие» тексты, сопровождающие все слушание дела. Но в сложных квалификационных случаях защитники часто обращаются к судебному прецеденту. Толкование прецедентного решения как подкрепляющего предложенный адвокатом тезис является важной составляющей защитительной речи.

«Судебный прецедент – это источник права, представляющий собой судебное решение по конкретному делу, содержащее правовоположение, которое имеет статус правовой нормы и является обязательным для применения правилом в судах той же или низшей инстанций» [2. С. 296].

Феномен судебного прецедента состоит в том, что он представляет собой, с одной стороны, источник права, факт судебной практики, а с другой, – факт речи, интертекстуальный элемент с аргументативной функцией.

Лингвистическая специфика прецедента, как известно, состоит в том, что он структурируется не только способом обращения к прошлому опыту / знанию, но и способом обретения слушателем нового, неизвестного, но оригинального, нестандартного представления какой-либо сущности, явления, события, факта или вещи [5. С. 56].

На аргументативную функцию прецедента, известную со времен античности, не раз указывали ученые. «Аргумент к прецеденту представляет собой умозаключение, основание которого решение, принятое авторитетной инстанцией по аналогичному вопросу. Одна из посылок аргумента выводится из установления подобия между рассматриваемым вопросом и прецедентом, другая посылка представляет собой само решение, которое было принято, а вывод – решение, которое предлагается принять» [4. С. 162].

Феномен судебного прецедента, на наш взгляд, можно отнести к проявлениям «запланированной и поддерживаемой» риторической интертекстуальности [9. С. 57].

Анализ двадцати судебных защитительных речей Ф.Н. Плевако показал, что адвокат апеллирует к судебному прецеденту для

дискредитации позиции обвинения и свидетельских показаний, для обоснования собственной позиции.

1. Дискредитация позиции обвинения.

Ср.: *Ясно и просто требование закона. Но обвинение искажает его смысл и вводит новую теорию лишения свободы. К счастью, высшее толкование принадлежит Сенату, а Сенат смотрит иначе на дело. Лишение свободы немисливо без того, чтобы оба эти средства были в ходу со стороны лица, лишившего свободы. Таков вывод из решения Сената 1871 г. № 712 по делу Мельмана. Но насилия и угроз, требуемых ст. 1540, в деле Новохацких не было, и простой смысл подскажет вам, что никто этой статьи не нарушал, что все слышанные вами и подобранные в одно целое речью прокурора подробности дела требования этой статьи не удовлетворяют, и эта часть обвинения лопаается, как мыльный пузырь (Дело А. и Н. Новохацких).*

2. Дискредитация свидетельских показаний, на которые опирается обвинение.

Ср.: *Уликой против Гаврилова, уликой, образовавшейся после, но изменившей взгляд на все дело, считают «подкуп свидетелей и соучастников». Перейдем к этому и мы. На первых порах нас поражает масса противоречий и неправды, сказанных Гудковым и товарищами. Чуть ли не все начальство тюрьмы обвиняется им: и доктора, и фельдшера. На его показаниях основан вывод обвинения, что даже тюремный священник занимался не пастырской деятельностью, а переговорами и подкупом. Но нам известно, что ни начальство, ни служащие при больнице в самом деле суду не преданы, ибо высшая, обвинительная камера не нашла возможным довериться показаниям, с полной верой принимаемым прокурором. Обвинительная камера расходится и в другом с прокуратурой: иной, кроме пастырской деятельности, она не усмотрела в отношениях священника к подсудимым (Дело Гаврилова).*

3. Обоснование собственной позиции.

Ср.: *Это мнение имеет за себя такой авторитет, перед которым должен преклониться авторитет каждого суда. Именно в 1869 году до кассационного Сената, как видно из решения его № 327, доходило дело, в котором возникал такой вопрос: не следует ли считать грабежом переход имущества от одного лица к другому, когда в это же время между лицами случалась драка, хотя бы эта драка и не была средством для вымогательства имущества. Сенат признал, что грабежом называется только такое деяние, в котором насилие, побои, угрозы, – все это было затеяно для того, чтобы добиться приобретения имущества; если же одно из другого не вытекает, как следствие из причины, – тогда грабежа нет. На основании этих соображений легко разрешить вопрос о вымогательстве. Если обязательство выдано путем угроз, вследствие*

боязни, обиды действием, то тогда обязательство выдано через вымогательство; но, если между двумя лицами по поводу семейных или других обстоятельств происходила ссора, драка, если оскорбленное лицо наносит побои другому не для того, чтобы взять вексель, а чтобы проучить оскорбителя, и если обязательство предложено не как последствие побоев, а как плата, чтобы я не обращался к законной власти и не оглашал действительных событий, – тогда угроз и вымогательства не было (Дело братьев Бострем).

Использование прецедента в отдельных случаях приобретает самостоятельное значение и становится стратегией всего выступления. Так, в речи Ф.Н. Плевако по делу А. и И. Поповых именно обращение к прецеденту становится основной стратегией доказательства виновности ответчиков в нанесении ущерба торговой репутации истца. При этом за неимением российской практики подобного рода оратор обращается к зарубежному опыту.

Ср.: Если мы хотим знать, в данном случае, что значит в торговле фирма и какое зло наносится воспроизведением и подражанием этикетке существующей давно фирмы, мы должны обратиться к опыту стран, где крупные торговые обороты ведутся веками, где и охрана интересов, и подкоп под них богаты многолетним опытом. Позвольте мне познакомить вас в этом отношении с богатой, глубокомысленной практикой французских судов. При заманчивости, какие имеют произведения известных фирм Франции для всемирного рынка, легкомыслие и злоумышление давно старались вводить в заблуждение публику и сбывать вместо настоящих, фабрикованные продукты. И вот как строго и справедливо отнеслись к подобным проделкам французские суды. Они признали, что сбыт товара своего, не снискавшего к себе доверия на рынке, под чужим этикетом, есть деяние, равное мошенничеству и воровству.

Некто Bardou приобрел себе большую известность папиросной бумагой с клеймом J<>V. Подметив сходство знака <> с буквой O, публика стала называть бумагу JOB. Другой торговец пустил в продажу свою бумагу также под маркой JOB и защищался против предъявленного к нему иска тем соображением, что название JOB получилось лишь благодаря заблуждению публики, марка же Bardou не JOB, а J<>V. Но суд признал его подделывателем. Тогда обвиняемый подыскивает себе компаньона по имени JOB и продолжает торговать под этой маркой, но новый вердикт приговаривает его к штрафу в 5000 франков одновременно и на будущее время по 100 франков за каждую открытую подделку.

Осуждая виновных, ввиду их недобросовестного образа действий и старания ввести суд в обман, суд заканчивает свой приговор словами: «Правосудие, охраняя честную и законную торговлю, не может не

порицать тех средств, к которым прибегают некоторые торговцы с целью привлечь к себе покупателей» (Дело А. и И. Поповых).

В судебных защитительных речах Ф.Н. Плевако апелляция адвоката к судебному прецеденту как к источнику права приобретает характер риторического аргумента, т.к. при таком обращении актуализируется ценностное, рациональное и эмоциональное содержание судебного прецедента, и именно такое использование делает его элементом риторической аргументации [11. С. 255].

Ценностное содержание судебного прецедента состоит в признании ценностью прошлого опыта судебной практики. Имевшая место интерпретация закона предлагается судьям как образец для принятия решения.

Рациональная составляющая судебного прецедента заключается в опоре на нормы законодательства, в объяснении частного случая как типичного и подпадающего под закрепленную в законодательстве норму.

Опираясь на судебный прецедент, защитник, несомненно, осуществляет и эмоциональное воздействие на адресата: для обоснования правильности своей позиции он обращается к чувствам адресата.

В текстах судебных защитительных речей Ф.Н. Плевако выявлены случаи апелляции адвоката к реальным жизненным эпизодам как прецедентным ситуациям с целью подкрепления собственной позиции и эмоционального воздействия на аудиторию.

Ср.: Для чего делалось это? Для того чтобы явиться к следователю и накрыть противников.

Года два назад наше общественное мнение сильно возмущено было подобными фактами: известные чины полиции, узнав, что такое-то лицо желает совершить преступление, вместо того, чтобы остановить его на приготовлении или на покушении, выжидали, пока совершится преступление, чтобы накрыть преступника и получить похвалу, награду.

Почтенный наш товарищ не принадлежит к этому сословию – он не нуждается в какой бы то ни было награде; но у него была другая цель: он желал отомстить людям, которые подрались с ним. Он дает им денежное обязательство, но боится, чтобы они не раздумали, и поэтому старается успокоить их, чтобы они, – например, по совету жен, – не отказались от злого дела. Ей богу, мне кажется, что, если здесь совершено было преступление, то совершению его усердно помогало само потерпевшее лицо... (Дело братьев Бострем).

Или:

Подсудимые, довольствуясь фактически выраженной волей кредиторов, – притом настоящих кредиторов, а не Казимилова, который, как это ясно из показания Миронова, был только поверенным, – не озаботились оформить положение дела и слишком понадеялись на факты,

еще не подкрепленные формой. С ними случилось нечто подобное такому казусу: получается телеграмма, что я умер. Судебный пристав описывает мою квартиру и загоняет мою семью в две комнатки, обесцененные выносом всего моего имущества в запечатанные комнаты. Но известие ложно. Я приехал и, вместе с семьей, радуясь прекращенной печали, не дожидаясь прибытия пристава или долгодневного распоряжения о снятии печатей, ломаю наложенные ошибочно печати. Формально здесь совершился слом печатей, но неужели здесь то преступление, которое имел в виду закон, охраняя печати, наложенные в интересе разумного общественного интереса? Такого идолопоклонения форме, как в данном случае, лишенной всяческого значения и по существу, и по целям, имевшимся при описании имущества умершего – едва ли желает закон. Нельзя же считать законные предписания за сети, разбросанные в надежде улова ротозеев, а не в целях уловления злых людей? (Дело Мордвина-Щодро и кн. Оболенского).

Однозначных критериев для оценки степени аналогичности разных деяний не существует, именно поэтому невозможно предсказать решение суда, и успех адвоката зависит от его умения интерпретировать и толковать прошлый опыт, комментировать факт из судебной практики в соответствии со своими представлениями об обстоятельствах рассматриваемого дела.

Таким образом, судебный прецедент, являясь интертекстуальным включением в текст судебной защитительной речи, выполняет функцию риторического аргумента, имеющего ценностное (признание ценностью прошлого судебного опыта), рациональное (объяснение частного случая как типичного и подпадающего под закрепленную в законодательстве норму) и эмоциональное (воздействие на чувства адресата) содержание.

Апелляция к судебному прецеденту используется в судебных защитительных речах Ф.Н. Плевако с целью дискредитации позиции обвинения и свидетельских показаний, а также для обоснования собственной позиции.

Библиографический список

1. *Александров А.С.* Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003. 420 с.
2. *Васильева Т.А.* Понятие и признаки судебного прецедента как источника права // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2010. № 3 (13). С. 294-296.
3. *Власенко С.В.* Правовые тексты в аспекте интра- и интертекстуальности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 5 (т. 24). С. 30-37.
4. *Волков А.А.* Курс русской риторики. М.: Издательство храма св. муч. Татианы, 2001. 480 с.

5. *Голубева Н.А.* Прецедент и прецедентность в лингвистике // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров: Вятский гос. гуманитарный ун-т, 2008. № 3 (2). С. 56-61.
6. *Исхакова Р.Р.* Роль интертекстуализмов в выражении интенции в судебном дискурсе (на материале английских и русских художественных произведений) // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 3 (I). С. 1106-1109.
7. *Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики. Изменение функций литературы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 656 с.
8. *Кыркунова Л.Г.* Современные судебно-следственные документы в аспекте интертекстуальности // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 3. С. 23-27.
9. *Москвин В.П.* Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. 2013. № 6 (81). С. 54-61.
10. *Мухтаруллина А.Р.* Когниотип судебного дискурса как сфера взаимодействия модальности, прагматики и интертекстуальности // Journal of scientific research publications. 2014. № 9 (13). С. 5-23.
11. *Пригарина Н.К.* Аргументация судебной защитительной речи: риторическая модель: Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2010. 399 с.